
ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

УСЕАГУЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ

WORLD HISTORY

УДК 94(47)(03)

ПОЛОЖЕНИЕ ПОЛЬСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ И БЕЖЕНЦЕВ В ТУРКЕСТАНЕ В 1914–1923 гг.

Т. И. ДОРОШЕНКО¹⁾

¹⁾Национальный университет Узбекистана им. М. Улугбека, ул. Университетская, 4,
100174, г. Ташкент, Узбекистан

На основе анализа архивных источников и материалов периодической печати предпринимается попытка изучить трансформацию положения польских военнопленных и беженцев в Туркестане в годы Первой мировой войны. Многие сведения из архивов Узбекистана вводятся в научный оборот впервые. Проблема польских беженцев и военнопленных в Туркестане исследуется в сложное историческое время – в период Первой мировой войны и революций 1917 г. Описывается процесс реэвакуации беженцев и военнопленных на родину. Практическая значимость исследования состоит в том, что оно может быть использовано при написании учебника и разработке учебного курса по истории Узбекистана.

Ключевые слова: Туркестан; поляки; Первая мировая война; военнопленные; беженцы; революция; реэвакуация.

Образец цитирования:

Дорошенко ТИ. Положение польских военнопленных и беженцев в Туркестане в 1914–1923 гг. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2023;3:15–22.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2023-3-15-22>
EDN: IBJH FY

For citation:

Doroshenko TI. The situation of Polish prisoners of war and refugees in Turkestan in 1914–1923. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2023;3:15–22. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2023-3-15-22>
EDN: IBJH FY

Автор:

Татьяна Ивановна Дорошенко – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры новейшей истории Узбекистана исторического факультета.

Author:

Tat'yana I. Doroshenko, PhD (history), docent; associate professor at the department of the latest history of Uzbekistan, faculty of history.
doctata@mail.ru

СТАНОВІШЧА ПОЛЬСКІХ ВАЕННАПАЛОННЫХ І БЕЖАНЦАЎ У ТУРКЕСТАНЕ Ў 1914–1923 гг.

Т. І. ДАРАШЭНКА^{1*}

^{1*}Нацыянальны ўніверсітэт Узбекістана імя М. Улугбека, вул. Універсітэцкая, 4,
100174, г. Ташкент, Узбекістан

На аснове аналізу архіўных крыніц і матэрыялаў перыядычнага друку робіцца спроба вывучыць трансфармацыю становішча польскіх ваеннапалонных і бежанцаў у Туркестане ў гады Першай сусветнай вайны. Многія звесткі з архіваў Узбекістана ўводзяцца ў навуковы абарот упершыню. Праблема польскіх бежанцаў і ваеннапалонных у Туркестане даследуецца ў складаны гістарычны час – у перыяд Першай сусветнай вайны і рэвалюцый 1917 г. Апісваецца працэс рээвакуацыі бежанцаў і ваеннапалонных на радзіму. Практычная значнасць даследавання заключаецца ў тым, што яно можа быць выкарыстана пры напісанні падручніка і распрацоўцы навучальнага курса па гісторыі Узбекістана.

Ключавыя словы: Туркестан; палякі; Першая сусветная вайна; ваеннапалонныя; бежанцы; рэвалюцыя; рээвакуацыя.

THE SITUATION OF POLISH PRISONERS OF WAR AND REFUGEES OF TURKESTAN IN 1914–1923

T. I. DOROSHENKO^a

^aNational University of Uzbekistan named after M. Ulugbek, 4 Universitetskaya Street,
Tashkent 100174, Uzbekistan

Based on the analysis of various sources extracted from the archives of Uzbekistan, as well as periodicals, the article attempts to analyse the transformation of the situation of Polish prisoners of war and refugees in Turkestan during the World War I. The scientific novelty of the study lies in the fact that the author, for the first time on the materials of the archives of Uzbekistan, many of which are being introduced into scientific circulation for the first time, tries to describe the problem of Polish refugees and prisoners of war in Turkestan in a difficult historical period – the period of the World War I and two revolutions of 1917, and also highlight the process of reevacuation to the Motherland. The chronological framework of the study covers the period of 1914 – the beginning of the World War I, when prisoners of war began to be sent to Turkestan, and 1923 – when the reevacuation of Polish prisoners of war and refugees was actually completed. The practical significance of the study lies in the fact that it can be used when writing a textbook on the history of Uzbekistan and when giving lectures to students of the universities of the republic.

Keywords: Turkestan; Poles; World War I; prisoners of war; refugees; revolution; reevacuation.

Введение

Сегодня тема военнопленных и беженцев не утратила своей злободневности. В XXI в., когда межгосударственные и межнациональные отношения часто характеризуются военными конфликтами, эта проблема даже обострилась. Возможно, опыт военных противостояний XX в., в том числе Первой мировой войны, поможет в решении сложных политических вопросов.

Изучением проблемы беженцев и военнопленных периода Первой мировой войны занимались историки имперского периода. Их работы характеризуются скрупулезностью научно-практического анализа и объективностью, ведь, в отличие от советских исследований, они не были подвергнуты идеологизации. Так, работа Г. П. Альбата¹ посвящена социально-правовым аспектам содержания военнопленных. Автор отмечает, что на территории

Российской империи обращение с ними соответствовало международному праву, причем военнопленные славянского происхождения имели ряд льгот. В работе А. И. Белинского дана комплексная оценка состояния организационно-медицинского обеспечения военнопленных на начальных этапах Первой мировой войны².

В советское время тема военнопленных и российских беженцев Первой мировой войны редко, но привлекала внимание историков. А. М. Матвеев в своей работе осветил участие военнопленных и беженцев Туркестана в сложных социально-политических процессах, происходивших после Февральской и Октябрьской революций 1917 г., а также взаимоотношения этих категорий граждан с коренным и русским населением³. И. С. Сологубов иссле-

¹Альбат Г. П. Сборник международных конвенций и правительственных распоряжений о военнопленных. М. : [б. и.], 1917. 84 с.

²Белинский А. И. С кем мы дружили: исторический очерк русско-немецких отношений. Могилёв : Тип. И. Б. Клазо и М. Л. Кагана, 1914. 71 с.

³Матвеев А. М. Зарубежные выходцы в Туркестане на путях к Великому Октябрю. Ташкент : Фан, 1977. 115 с.

довал положение иностранных коммунистов (среди которых были бывшие военнопленные и беженцы), работавших в Туркестане в первые годы советской власти. В. Я. Манусевич проанализировал роль польских интернационалистов в победе советской власти в России⁴.

Многие российские и зарубежные историки занялись изучением положения военнопленных и беженцев только в постсоветский период. Историографы этого периода добились серьезных успехов в исследовании темы. Так, увеличилось количество работ, посвященных проблеме, изменились теоретико-методологические подходы к ее изучению⁵. Одной из значимых работ тех лет можно назвать сборник «Первая мировая война: современная историография»⁶. Представленные в издании статьи посвящены военным, политическим, социальным и культурным аспектам Первой мировой войны.

Одним из первых европейских историков, проявивших интерес к данной проблематике, был П. Гетрелл. В своем исследовании он раскрывает сложный процесс перемещения гражданского населения из прифронтовых западных районов в тыл⁷. Историк рассматривает беженство как новое социальное явление, при этом он анализирует царскую политику по отношению к беженцам, показывает деятельность благотворительных организаций, раскрывает процесс этнической консолидации беженцев после Февральской революции.

Публикации, посвященные указанной проблематике, имеют региональную направленность. Так,

исследуются в основном области современной России, Беларуси и Украины. При этом проблема военнопленных и беженцев Туркестана в полной мере не исследовалась специалистами. Кроме того, в большинстве публикаций на эту тему нет сравнительного анализа положения военнопленных и беженцев в России в разное время, например в имперский и советский периоды. Документы, описывающие содержание военнопленных, не всегда подвергались критическому анализу, в них слабо освещена позиция местного населения, не представлена объективная оценка деятельности советских властей по реэвакуации мигрантов на родину.

Целями исследования являются реконструкция положения беженцев и военнопленных Первой мировой войны в Туркестане, анализ трансформации их положения в имперский, послефевральский и советский периоды. Объектом исследования выступают военнопленные, беженцы, интернированные, оказавшиеся в Туркестане в годы Первой мировой войны. Географические рамки исследования – Туркестанское генерал-губернаторство, охватывающее часть территорий современного Узбекистана, Казахстана, Кыргызстана, Туркменистана и Таджикистана. Основное внимание уделяется теме военнопленных и беженцев, находившихся на территории современного Узбекистана. В ходе исследования были использованы хронологический, историко-логический и сравнительный методы.

Основная часть

В годы Первой мировой войны в Туркестане сосредоточилось большое количество иностранных граждан. Это были военнопленные австро-венгерской и германской армий, большое количество беженцев с западных территорий, а также интернированные лица. Среди военнопленных австро-венгерской армии были в основном чехи, словаки, сербы, хорваты и поляки. Условия содержания военнопленных

и правила обращения с ними регулировались Гаагской конвенцией об открытии военных действий, подписанной в 1907 г. К 1916 г. общее число военнопленных в Средней Азии достигло 200 тыс. человек, интернированных – более 300 человек [1, с. 38].

В Туркестане беженцы появились в 1915 г. Их численность составила около 80 тыс. (из них примерно 14 тыс. человек – в Ташкенте) [2, с. 15]. В основном

⁴Сологубов И. С. Иностранные коммунисты в Туркестане (1918–1921 гг.). Ташкент : Фан, 1961. 179 с. ; Манусевич В. Я. Польские интернационалисты в борьбе за победу советской власти в России. Февраль – октябрь 1917 г. М. : Наука, 1965. 412 с.

⁵Степанов А. И. Цена войны: жертвы и потери // Мировые войны XX века. Документы и материалы : в 4 кн. Кн. 4. Вторая мировая война / отв. ред. М. Ю. Мягков. М. : Наука, 2002. 677 с. ; Бахтурина А. Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы первой мировой войны (1914–1917 гг.) М. : РОССПЭН, 2004. 392 с. ; Островский Л. К. Поляки в Западной Сибири в конце XIX – первой четверти XX века : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02. Новосибирск : Новосиб. гос. архитектурно-строит. ун-т, 2014. 39 с. ; Белова И. Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. : автореф. дис. ... ист. наук : 07.00.02. Брянск : Брян. гос. пед. ун-т им. И. Г. Петровского, 2015. 43 с. ; Висьневский Я. Сибирь в воспоминаниях польских военных и солдат (1914–1920) // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития : сб. науч. тр. в 3 ч. Ч. 1 // сост. Я. Висьневский. Омск : Издат. дом «Наука», 2012. С. 113 ; Котюкова Т. В. Туркестанский плен: немецкие и австро-венгерские военнопленные в русском Туркестане в годы Первой мировой войны // Россия и современный мир. 2017. № 3 (96). С. 47–64 ; Дорошенко Т. И. Положение военнопленных в Туркестане в годы Первой мировой войны // Вестн. науки и образования. 2021. № 10 (113). С. 20–28.

⁶Первая мировая война: современная историография. Сборник обзоров и рефератов РАН / отв. ред. В. П. Любин, М. М. Минц. М. : ИНИОН РАН, 2014. 231 с. (Всеобщая история).

⁷Гетрелл П. Беженцы в России в период Первой мировой войны // Ист. зап. 2001. № 4 (122). С. 46–72 ; Он же. Беженцы и проблема пола в России во время Первой мировой войны // Россия и Первая мировая война : материалы междунар. коллоквиума / отв. ред. Н. Н. Смирнов. СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. С. 112–125.

это были поляки и польские евреи (8–10 тыс. человек), а также прибалты (1,5–2 тыс. человек). В сводке за ноябрь 1915 г. указывалось, что беженцы проживают в Закаспийской области (Асхабад – 5533 человека, Кизил-Арват – 801, Мерв – 5931, Иолотань – 756, Теджен – 520, Каахка – 500, Красноводск – 457 человек); Сыр-Дарьинской области (Ташкент – 14 000 человек, Ташкентский уезд – 2584, Черняев – 233, Аулие-ата – 2038, Перовск – 585, Казалинск – 588 человек); Ферганской области (Скобелев – 8500 человек, Скобелевский уезд – 1267, Коканд – 2163, Наманган – 2900, Андижан – 3360, Ош и Ошский уезд – 1440 человек); Джалаль-Абадском районе (807 человек, в том числе 258 человек в Базар-кургане); Самаркандской области (Самарканд и Самаркандский уезд – 8400 человек, Каттакурган – 2849, Бухарские владения – 792 человека)⁸.

Нахождение в Туркестане почти 150 тыс. военнопленных и прибытие беженцев существенно ухудшили материальное положение коренного населения, привели к продовольственному, промтоварному и жилищному кризису, ухудшили санитарные условия местности.

В Туркестане, как и в России, пленные первоначально были изолированы от коренного и русского населения. Однако из-за нехватки охранных команд лагерный режим для них строго поддерживался лишь на протяжении первых месяцев пребывания.

Вскоре после начала военных действий Николай II распорядился облегчить положение интернированных славян. Инструкцией Министерства иностранных дел Российской империи от 5 марта 1915 г. предусматривались следующие изменения: славяне – неприятельские подданные – освобождались от ряда ограничений; облегчалась возможность перехода славян в русское подданство; интернированию, высылке и другим мерам ограничения подвергались только те поляки и словаки, которые были известны своим русофобством, преданностью Австро-Венгрии или скомпрометировавшие себя неблагоприятным поведением [3, с. 103].

С одной стороны, туркестанские власти были крайне обеспокоены большим количеством военнопленных на территории края, ведь в случае каких-либо беспорядков их присутствие могло усугубить ситуацию. В некоторых городах количество военнопленных стало превышать число гражданского населения. Например, в г. Скобелеве гражданское население составляло 7 тыс. человек, в то время как военнопленных насчитывалось 15 тыс. человек [4, с. 303]. Только с лета 1916 г. военнопленных и беженцев начали вывозить в центральные районы России. К началу 1917 г. в Туркестане осталось около 42 тыс. военнопленных⁹.

С другой стороны, администрация Туркестана проявляла достаточно лояльное отношение к военнопленным, особенно к офицерам славянского происхождения (они получили доступ в частные дома в качестве преподавателей, врачей и других специалистов). Коренное население относилось к иностранным военнопленным и беженцам весьма дружелюбно, привлекало их к выполнению сельскохозяйственных работ и оказывало им посильную помощь. Важно отметить, что мнение местных жителей совершенно не учитывалось, в то время как свободное передвижение военнопленных они расценивали как военную слабость российских властей.

О достаточно мягком отношении администрации к военнопленным славянского происхождения свидетельствует ряд приказов по Туркестанскому военному округу. В частности, в приказе от 18 октября 1914 г. был предусмотрен ряд послаблений: «Ввиду особого характера настоящей войны... Военным министерством [Российской империи] по соглашению с Министерством иностранных дел [Российской империи] выработан по отношению к военнопленным славянам всех национальностей, в том числе к полякам, как обнаруживающим дружественное тяготение к России, а равно и к военнопленным эльзас-лотаринцам ряд нижеследующих льготных мер, подлежащих обязательному применению во всех пунктах постоянного квартирования военнопленных: 1. Всех дружественно настроенных нам пленных славян: русин, словаков, галичан, чехов, поляков, сербов и всех эльзас-лотарингцев – размещать в отдельных пунктах от расквартирования германцев, австро-немцев, венгров и других враждебно относящихся к России элементов. 2. В пунктах обособленного размещения военнопленных названных выше дружественных нам народностей предоставлять лучшие помещения в смысле тепла и обстановки. Снабжать славян и эльзас-лотарингцев лучшей одеждой, а равно и пищей. 3. Предписывать по отношению к ним местному начальству применение мягкого режима. 4. Военнопленные нехристианского вероисповедания должны быть освобождены от работ, в дни празднования коих установлено их религией»¹⁰.

В приказе от 3 декабря 1914 г. отмечалось: «1. Артельщиков, кашеваров, хлебопеков, каптинармусов и прочих хозяйственных нижних чинов назначать из военнопленных. Надзор за ними и отчетность, установленную для упомянутых хозяйственных чинов, по возможности возложить на пленных унтер-офицеров под контролем офицеров-славян. На этих же офицеров по возможности возложить прием от подрядчиков продуктов и учет хлеба. 2. Военнопленным обязательно готовить пищу 2 раза в день с ½ фунта мяса в обед и ¼ фунта мяса в ужин. К обеду выдавать

⁸Нац. арх. Узбекистана (НАУз). Ф. 621. Оп. 1. Д. 5. Л. 24.

⁹НАУз. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1270. Л. 65.

¹⁰Там же. Ф. 737. Оп. 1. Д. 36а. Л. 2–3.

каждому порцию мяса в 24 золотника, на ужин – такую же порцию на двух человек. 3. Военнопленным офицерам, несущим хозяйственные обязанности, в силу доверия к ним и при обязательстве с их стороны добросовестно исполнять порученные им дела и соблюдать положение о военнопленных, предоставить право жить на частных или казенных квартирах при казармах, иметь там же казенную прислугу из плененных и пользоваться свободой посещения городской черты вне казармы, указанной начальником гарнизона. 4. Допускать выписку военнопленным газет, журналов и книг, издаваемых в России с русской цензурой, как на русском, так и на иностранных языках. 5. Посещение военнопленными ресторанов, кондитерских, кинематографов, театров и всяких общественных гуляний воспрещается»¹¹.

С марта 1915 г. военнопленных начали отпущать из лагерей. Так, были утверждены правила, разрешающие им отлучаться на работу на частные промышленные предприятия. Фактически с этого времени для них было отменено лагерное положение. Труд военнопленных широко применялся на железной дороге, в строительстве, сельском хозяйстве и в других отраслях.

Военнопленные австрийцы, венгры и немцы привлекались к более сложным видам деятельности.

Положение военнопленных и беженцев в Туркестане после Февральской революции 1917 г.

К 1917 г. в Туркестане оставалось немногим более 41 тыс. плененных. Около 38 тыс. из них являлись военнослужащими многонациональной австро-венгерской армии, 3 тыс. – военнослужащими германской армии¹². В 1917–1918 гг. из-за частичной эвакуации, самовольного отъезда, смерти от ран, болезней и по другим причинам численность плененных постепенно снижалась.

После Февральской революции 1917 г. в Туркестане, как и в других регионах России, лагерный режим для военнопленных был облегчен. Это произошло прежде всего потому, что для охраны военнопленных не хватало солдат, причем многие из них стали относиться к военнопленным с гораздо большим сочувствием, чем раньше. По инициативе Советов рабочих и солдатских депутатов, а также солдатских комитетов некоторые солдаты переселились в города в квартиры, конфискованные у буржуазии. Многие конвойные солдаты стали завязывать дружеские связи с пленными земляками или с единоверцами, сообщая им новости о политических событиях в России.

Таким образом, часть военнопленных приобрела определенную свободу, в частности получила воз-

можность покидать лагерь в дневное время, свободно ходить по улицам, посещать митинги, собрания, контактировать с гражданским населением. Многие из них попали под влияние местного общественно-политического движения.

В лагерях военнопленных усиливался развал охраны. Это создавало условия для побегов. Например, с марта по октябрь 1917 г. в Туркестанском военном округе было зафиксировано бегство не менее 578 солдат и 22 офицеров¹³. Большинство этих беглецов не стремились покинуть пределы края. Побродив некоторое время в поисках лучших условий жизни, они добровольно возвращались в свои лагеря. Некоторые военнопленные нашли работу в хозяйствах богатых немецких крестьян и узбекских баев.

Свержение самодержавия привело к политизации военнопленных. На них все больше влияния стали оказывать революционно настроенные русские солдаты и рабочие. Следуя их примеру, некоторые военнопленные стали устраивать забастовки, требуя улучшения условий жизни, повышения заработной платы и т. д. Временное правительство не могло не считаться с переменами в сознании военнопленных, а также с мнением демократически

¹¹ Там же. Л. 1.

¹² Россия в первой мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М. : Центр стат. упр. отд. воен. статистики, 1925. 103 с.

¹³ НАУз. Ф. 737. Оп. 1. Д. 25. Л. 109, 111.

настроенных кругов, выступавших в их защиту. Поэтому закономерными стали меры, предусматривавшие улучшение положения военнопленных. В конце марта 1917 г. в Петрограде был образован Центральный исполнительный комитет по делам военнопленных, а уже 6 апреля 1917 г. штаб Туркестанского военного округа образовал комиссию по делам военнопленных, в которую, кроме представителей штаба, вошли также многонациональные союзы военнопленных. Комиссия приняла ряд решений по улучшению положения военнопленных. Эти решения предусматривали новый порядок отпуска военнопленных врачей, а также особые льготы для офицеров и солдат, записавшихся добровольцами в чешские, сербские, румынские или французские войска. Решением комиссии от 22 июня 1917 г. военнопленным было разрешено становиться подданными России и вступать в брак с русскими женщинами¹⁴.

Вслед за созданием комиссии по делам военнопленных стали образовываться многонациональные благотворительные комитеты. Польская диаспора, сформировавшаяся в Туркестане еще в конце XIX в., учредила собственные благотворительные общества, например Польское общество помощи жертвам войны, Союз военных поляков, Кружок польских дам под руководством С. Длугашевской и др.¹⁵ Благотворительные организации оказывали материальную помощь нуждающимся военнопленным, старались улучшить их жилищные условия, открывали кружки по интересам (в основном по изучению русского языка).

Польские организации вели весьма активную деятельность в Туркестане, например 2 мая 1917 г. они отпраздновали 126-ю годовщину польской конституции. На общем собрании поляков Ташкентского гарнизона 31 мая 1917 г. был утвержден устав Союза военных поляков Туркестанского округа. Целью союза было объединение военных поляков Туркестанского округа для оказания взаимопомощи и возвращения в свободную и независимую Польшу. В президиум

союза вошли авторитетные поляки: Витомирский (в качестве председателя), К. В. Юшак, Врублевский, Мациох, Мильрад, Ягельский, Тамецкий, Матисяк и др.¹⁶

Подобные объединения образовывались и в других городах, где находились военнопленные. Однако работа периферийных комитетов не могла сравниться с той, которая проводилась в ташкентских лагерях.

Временное правительство пыталось сформировать из военнопленных национальные (чехословацкие, румынские, итальянские) воинские формирования. С мая по октябрь 1917 г. из 41 тыс. военнопленных, находившихся в Туркестане, были завербованы 2646 добровольцев [2, с. 97]. Однако сформировать в Ташкенте польский батальон (из польских военнопленных и русских военнослужащих) для отправки в Россию не удалось.

Немалое число поляков состояло в образовавшихся после свержения самодержавия социал-демократических организациях.

Под влиянием революционных настроений и агитации большевиков во многих городах Туркестана военнопленные стали выступать против собственных офицеров, устраивать забастовки. Например, в Ташкенте в июне 1917 г. под предводительством И. Келлера и А. Бондорского 60 военнопленных устроили забастовку и выдвинули требования: не наказывать провинившихся отсылкой в лагерь; увеличить выдачу хлеба; повысить жалованье и уровнить его для всех; выдать всем новое белье; выдать всем мыло¹⁷.

В сентябре 1917 г. в Ташкенте прошли крупные митинги, организованные большевиками, где звучали лозунги о свержении Временного правительства. В них принимало участие несколько десятков военнопленных поляков, в основном солдат. Польские офицеры и интеллигенция в большинстве своем поддерживали Временное правительство или относились к нему нейтрально. Когда 12 сентября командующий войсками Туркестанского военного округа генерал А. Черкес был ранен и бежал, его укрыл у себя ташкентский ксендз В. Шикшнель [2, с. 106].

Октябрьский переворот в Туркестане и изменения в положении иностранных граждан

После Октябрьского переворота размежевание среди польских солдат и офицеров стало еще более явным. Военнопленные-добровольцы, в основном солдаты, приняли участие в вооруженном восстании в Ташкенте. В ночь на 28 октября 1917 г. юнкера и казаки напали на казармы 1-го Сибирского стрелкового полка. Вместе с русскими солдатами казармы обороняли военнопленные. В рядах 1-го Сибирского стрелкового полка было несколько десятков выход-

цев из Польши. Так, 29 октября и в последующие дни солдаты-поляки и несколько военнопленных-добровольцев принимали участие в боях и разоружении сторонников Временного правительства [6, с. 110]. Военнопленные офицеры чаще всего занимали нейтральную позицию по отношению к происходящим событиям. Большинство военнопленных и беженцев были не участниками, а лишь свидетелями назревания и осуществления Октябрьского переворота

¹⁴Там же. Ф. 738. Оп. 1. Д. 3. Л. 81, 82.

¹⁵Туркестанские ведомости. 2 мая. 1917. С. 3.

¹⁶Туркестанские ведомости. 23 авг. 1917. С. 3.

¹⁷НАУЗ. Ф. 737. Оп. 1. Д. 54. Л. 267.

в Туркестане. Большевики, как и Временное правительство, попытались сформировать из военнопленных поляков польский легион Туркестанского военного округа. Однако эта попытка оказалась неудачной¹⁸.

После Октябрьской революции снабжение военнопленных резко ухудшилось. Из-за Гражданской войны Туркестан был фактически отрезан от центра. Многие лагеря урезали питание для военнопленных. Особенно тяжелые условия жизни для военнопленных сложились в лагере «Золотая Орда», прославившегося коррупцией. В лагере содержались в основном военнопленные австро-венгерцы, немцы и в небольшом количестве славяне.

В издании «Наша газета» за 15 июня 1918 г. было написано: «8 июня 1918 г. в революционном трибунале слушалось дело администрации лагеря иностранно-подданных при разъезде “Золотая Орда”, обвиняемых в системных злоупотреблениях в деле довольствия лагеря и в совершении подлога на сумму 24 140 руб. К ответственности были привлечены: начальник лагеря Тушманов, помощник Шапов, подрядчик Вишневецкий, каптернамус Белоногов»¹⁹. Кроме того, многие сотрудники лагеря были замечены в пьянстве. Из-за плохого продовольственного снабжения и слабой охраны побег военнопленных стали обычным явлением. Например, из старосаперного лагеря Ташкента ежедневно убегало от 20 до 30 человек.

Еще до заключения Брестского мира в марте 1918 г. из плена освободилось и вернулось в свои страны около полумиллиона военнопленных Австро-Венгрии и Германии. Официально их возвращение началось весной 1918 г., но осложнилось начавшейся в России Гражданской войной. Советские органы власти еще в январе 1918 г. предоставили гражданство РСФСР всем желающим военнопленным и делали все возможное, чтобы привлечь опытных солдат на службу в Красную армию. Для реэвакуации военнопленных и беженцев в апреле 1918 г. была учреждена Центральная коллегия о пленных и беженцах. Позднее она была реорганизована и переименована в Центральное управление по эвакуации населения. Туркестанское краевое управление по эвакуации населения было учреждено 22 июля 1920 г.²⁰

Польские беженцы стали массово писать заявления, касающиеся выезда на родину. С января по декабрь 1920 г. были отправлены на родину 325 человек. По сведениям НКВД РСФСР, в 1921 г. оптировать подданство Польши изъявили желание 1462 чело-

века²¹. Однако туркестанские власти не торопились отправлять военнопленных и беженцев домой: в регионе не хватало квалифицированных специалистов, и их старались всячески задержать.

Декрет Совета народных комиссаров «О выходе некоторых категорий лиц из Российского гражданства» от 5 октября 1919 г. гласил: «...выходом из российского гражданства лиц, принадлежащих к постоянным жителям Польши, Украины и Литвы в Туркестанской Республике может создаться положение, ставящее ее в затруднительное положение на случай мобилизации, так как в пределах республики число поляков, украинцев и других народностей, считающих декрет о выходе из российского гражданства к ним применимым, по имеющимся сведениям, довольно значительно. Промышленная, торговая и культурная жизнь республики во многом связана с польским и украинским элементом, что также должно привести к заключению придерживаться до поры до времени выжидательной тактики действий»²².

Как отмечалось, в регионе не хватало специалистов, особенно врачей. Разными способами людей пытались удержать. Были эпизоды, когда человек выезжал с документами по реэвакуации, а его возвращали с полпути.

В одном из документов Ташкентского краевого управления по эвакуации населения написано: «Распоряжением Кокандского уезда Фалькевич, врач Ура-Тюбе, был отправлен на родину без предварительного разрешения облздрави Самарканда. Такие распоряжения ставят уезд в безвыходное положение. Без Вашего согласия я оставил иностранных врачей впредь до особого распоряжения. Прошу привлечь к ответственности Фалькевича и вернуть врача обратно. Вообще прошу указаний, как поступить с иностранным медицинским персоналом»²³. При этом иностранцы, чтобы уехать из Туркестана на родину, шли на все (даже на подкуп чиновников), тем более что ситуация с продовольствием ухудшалась с каждым днем. С 1921 г. во многих регионах России начался голод, в Туркестан стали переселять людей из особо пострадавших регионов (в основном из Южного Урала и Поволжья). Это еще больше ухудшило продовольственное положение местного населения и иностранцев.

В связи с предстоящей регистрацией и реэвакуацией беженцев Польши приказом Центрального управления по эвакуации населения № 604 от 15 апреля 1921 г. предписывалось следующее: производство работ по регистрации и составлению эшелонных

¹⁸ Там же. Д. 121. Л. 51.

¹⁹ Там же. Л. 5, 11, 29.

²⁰ НАУз. Ф. 621. Оп. 1. Д. 51. Л. 18.

²¹ Там же. Л. 118.

²² Там же. Л. 18.

²³ Там же. 1. Д. 5. Л. 11.

списков беженцев Польши поручить исключительно лицам, достойным доверия, ни в коем случае не допускать к этой работе лиц польской национальности, не являющихся членами Российской коммунистической партии; ежемесячно сообщать административному отделу Центрального управления по эвакуации

населения общее количество зарегистрированных беженцев Польши, подлежащих реэвакуации²⁴.

Советско-польская война (1919–1921) также внесла коррективы в процесс возврата польских военнопленных и беженцев на родину. В связи с этим реэвакуация поляков затянулась до 1923 г.

Заключение

В годы Первой мировой войны в Туркестане находилось большое количество военнопленных, интернированных и беженцев, в том числе поляков. Царские власти довольно лояльно относились к военнопленным славянам, предоставляя им ряд льгот. После Февральской революции 1917 г. лагерный режим для военнопленных был ослаблен. Участились побег, многие офицеры и солдаты стали активно участвовать в общественно-политической жизни республики. Активизировались местные польские благотворительные общества. Временное правительство предприняло безуспешную попытку сформировать польский легион. Коренное население Туркестана отнеслось к Февральской революции положительно, так как Временное правительство пообещало народам Туркестана право на самоопределение. Отношение

к военнопленным и беженцам не изменилось и было достаточно доброжелательным. После Октябрьской революции ситуация резко изменилась. Туркестан временно был отрезан от центра, ухудшилось снабжение местного населения. Некоторые из иностранных военнопленных и беженцев самовольно пытались вернуться на родину, но большинство из них ждали официальной реэвакуации, которая по разным причинам затянулась до 1923 г. Большинство поляков были реэвакуированы в 1922–1923 гг. Многие остались в крае и перешли на сторону большевиков (среди них были и видные деятели, например В. Д. Фигельский), некоторые отказались от возвращения на родину по личным мотивам. Поляки внесли ощутимый вклад в местную экономику, образование и культуру.

Библиографические ссылки

1. Дорошенко ТИ. Положение военнопленных в Туркестане в годы первой мировой войны. *Вестник науки и образования*. 2021;10(113):20–25.
2. Матвеев АМ. *Зарубежные выходцы в Туркестане на путях к Великому Октябрю*. Ташкент: Фан; 1977. 115 с.
3. Никольская ГБ, Матвеев АМ. Из истории азиатских и европейских выходцев в Средней Азии в начале XX века. В: Хидояттов ГА, редактор. *Материалы по истории и археологии Средней Азии*. Ташкент: ТашГУ имени В. И. Ленина; 1972. 118 с. (Научные труды ТашГУ; выпуск 423).
4. Бахтурина АЮ. *Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.)*. Москва: РОССПЭН; 2004. 392 с.
5. Жукова ЛИ, составитель. *К истории христианства в Средней Азии (XIX–XX вв.)*. Ташкент: Ўзбекистон; 1998. 270 с.
6. Сологубов ИС. *Иностранные коммунисты в Туркестане (1918–1921 гг.)*. Ташкент: Госиздат УзССР; 1961. 179 с.

References

1. Doroshenko TI. The situation of prisoners of war in Turkestan during the First World War. *Vestnik nauki i obrazovaniya*. 2021;10(113):20–25. Russian.
2. Matveev AM. *Zarubezhnye vykhodtsy v Turkestane na putyakh k Velikomu Oktyabryu* [Foreign immigrants in Turkestan on the way to the Great October]. Tashkent: Fan; 1977. 115 p. Russian.
3. Nikol'skaya GB, Matveev AM. [From the history of Asian and European immigrants in Central Asia at the beginning of the 20th century]. In: Khidoyatov GA, editor. *Materialy po istorii i arkheologii Srednei Azii* [Materials on the history and archaeology of Central Asia]. Tashkent: TashGU imeni V. I. Lenina; 1972. 118 p. (Nauchnye trudy TashGU; volume 423). Russian.
4. Bakhturina AYU. *Okrainy Rossiiskoi imperii: gosudarstvennoe upravlenie i natsiona'naya politika v gody pervoi mirovoi voyny (1914–1917 gg.)* [The outskirts of the Russian Empire: public administration and national policy during the World War I (1914–1917)]. Moscow: ROSSPEN; 2004. 392 p. Russian.
5. Zhukova LI, compiler. *K istorii khristianstva v Srednei Azii (XIX–XX vv.)* [On the history of Christianity in Central Asia (19–20th centuries)]. Tashkent: Uzbekiston; 1998. 270 p. Russian.
6. Sologubov IS. *Inostrannye kommunisty v Turkestane (1918–1921 gg.)* [Foreign Communists in Turkestan (1918–1921)]. Tashkent: Gosizdat UzSSR; 1961. 179 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 10.12.2022.
Received by editorial board 10.12.2022.

²⁴Там же. Д. 18. Л. 38.